

Т. Б. Сиднева¹

ИСКУССТВО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Мое выступление посвящено одному из самых, на мой взгляд, богатых на мифы периодов в истории культуры России — Серебряному веку. Актуальность прошлого и своеобразие «прочтения» какого-либо фрагмента истории определяются двумя обстоятельствами: естественной обусловленностью историко-культурных интересов современными творческими исканиями и известной нашей склонностью «примерять к прошлому критерии сегодняшнего дня»².

На протяжении двух последних десятилетий мы являемся свидетелями устойчивого интереса к эпохе Серебряного века. Причем непреходящее внимание сочетается с изменениями восприятия этого периода истории, что отражает зависимость оценок от стремительности перемен, происходящих в наше время.

Заново открытый и со всей тщательностью изученный современными исследователями Серебряный век обнаруживает перед нами все новые и новые неизвестные «территории», непознанные смыслы. Осознана условность его временных и пространственных границ. Как начало Серебряного века имеет различные хронологические определения, так и его конец относят к революциям 1917 г., связывают с 1921–1922 гг. — гибелью Гумилева, смертью Блока и Хлебникова, с 1930-м — самоубийством Маяковского, с 1934-м — смертью Андрея Белого, с репрессиями 1937 г. — гибелью Клюева, Мандельштама, Флоренского и других представителей «рубежной» интеллигенции. Его продолжение отмечают в «Поэме без героя» Ахматовой, в охватившем почти целое столетие творчестве первой волны русских эмигрантов — художников, литераторов, композиторов, философов.

Несмотря на пеструю многоголосицу оценок и разночтения в периодизации, Серебряный век, бесспорно, вошел в историю как одно из наиболее полных выражений «взрывных форм» культуры (по терминологии Ю. Лотмана) — хаотических участников с разнообразием непредсказуемых исходов, «точек бифуркации», «перекрестков», «минут роковых»³. Смешение старого и нового, своего и чужого, разрушение границ высокого и низового начал — все это отражало желание преодолеть косность «наличного» бытия, стремление жить «удесятеренной жизнью» (А. Блок). Смена мировоззренческих координат затрагивала всю вертикаль культуры: от философии и психологии до бытовой и физиологической сфер. Особую чувствительность к «рубежным» процессам проявляет искусство, которое становится универсальной метафорой эпохи — эпохи, проходящей под знаком беспрецедентно многоликого художественного опыта.

Способность создавать некое «иносказательное», «инобытийное» пространство общекультурных смыслов исконно присуща искусству. Но именно в рубежные, «взрывные» периоды, свойственные метафоре как типу мышления, качества в искусстве получают предельное выражение.

Множественность художественных интенций Серебряного века удивительным образом позволила сочетать безотчетную привязанность к уходящей в прошлое романтической эпохе и жажду ее ниспровержения и освоения новых горизонтов. Характерным в этом отношении стал символизм «как автопортрет сложной духовной жизни» (по определению Г. Стернина). Всеобщая увлеченность символистскими идеями соседствовала с жестокой критикой символизма, искренняя вера в теургические возможности искусства — с беспощадной самоиронией творцов великого опыта (и даже их отречением от собственного детища), а изначальный эгоизм и элитарность «посвященных» обернулись «омассовлением» символизма и профанацией, осуществленной многочисленной армией эпигонов («скрябинизмы», например, стали своего рода «вирусом» композиторского творчества). Напомним, что апологеты и ниспровергатели представляли нередко одно поколение.

Внутренняя антиномичность, прозрения и подмены, взлеты и падения, смешение мифа и логоса, тождество трагедии и фарса, ставшие характерными для искусства Серебряного века, отражают свойственное метафоре *as if but not*⁴.

В рубежные периоды «уверенная в себе жизнь хочет освободиться от гнета всякой формы»⁵. В сфере художественного творчества происходит преодоление традиционно установленных границ. Искусство устремляется к освоению сакральных сфер и становится свидетельством мистического опыта художника. Осознается совпадение методов искусства и религиозного творчества как знак «их таинственной близости» (С. Булгаков). В то же время очевиден и противоположный процесс «профанации» искусства, его пристрастного интереса к телесности, его растворение в предметно-вещной повседневности (в частности характерна «эстетизация быта» как идейная установка модерна). И здесь мы находим константное свойство метафоры: ее вездесущность и «всеприсутствие» — способность «воспроизвести образ, не данный в опыте»⁶ (что отражает ее сходство с мистической практикой) и умение всегда быть конкретной, сращенной с вещной средой.

При всей разнонаправленности художественных поисков, творцы «рубежного» опыта Серебряного века были едины в увлеченности музыкой («буквально бредили музыкой»). Понимание музыки как «пророчества о грядущей воплощенной

¹ Проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор.

² Стернин Г. Символизм в русском изобразительном искусстве: способы его идентификации и толкования // Искусство XX века: уходящая эпоха? Нижний Новгород, 1997. С. 31.

³ Лотман Ю. Культура и взрыв. М., 1992. С. 17.

⁴ В. Налимов: «Лучшее из известных мне определений того, что есть метафора, звучит лаконично: ...*as if but not*» (Налимов В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 19).

⁵ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век. М., 1995. С. 392.

⁶ См.: Теория метафоры. М., 1990. С. 8.

красоте» (Н. Бердяев) было характерно отнюдь не только для символистов и их окружения, провозгласивших идею «омузыкаливания» культуры и увлеченных панмузыкальными теоретическими изысканиями. Музыкальная чувствительность была не чужда и их оппонентам (представителям футуризма, акмеизма, неоклассицизма и др.). Правда, слышали они в музыке совсем иное, их сознание было настроено на новые звуки и шумы. Свойственная метафоре синестезия как установление внутренней связи между изображением и звуком, даже устремленность от пластики к музыке оказалась созвучной синтетическим художественным опытам Серебряного века (А. Скрябин, М. Чюрленис, А. Белый, В. Кандинский и др.).

Серебряный век с его информативной насыщенностью, многообразием художественных исканий дал исчерпывающее доказательство природной метафоричности искусства, открыв широкое пространство художественных интуиций и показав возможность сосуществования взаимоисключающих тенденций в универсальном акте метафорического творчества.

Как известно, изучение прошлого — процесс, не имеющий завершения. В сложном пути самоидентификации, который проходит современная отечественная культура, постижение художественного опыта столь яркого периода истории столетней давности и обнаружение явных и скрытых совпадений и параллелей имеют одно из ключевых значений.